

Лев Толстой

СЛАВЯНСКОМУ СЪЕЗДУ В СОФИИ

(По изданию: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 тт. Т. 38.
С. 175 - 177).

В июне 1910 г. Толстой получил приглашение от Комитета по устройству Славянского съезда в Софии на съезд – 24 июня. Кроме официального приглашения организаторы съезда прислали Толстому особое письмо: «Возможны препятствия, которые помешали бы Вашему к нам приезду. Во всяком случае, как дороги и ценны были бы Ваши слова к этому торжественному случаю, когда славяне всех стран соберутся для взаимного ознакомления в столице маленького обновленного болгарского царства, освобождённого великой Россией, благодаря славянской идее! Наш съезд чисто культурно-экономический. Никакой политики, никакой партийности. Мы надеемся, во всяком случае, что единение славян на культурно-экономической почве может встретить одобрительный отзыв и со стороны общечеловеческого апостола, каков Лев Николаевич Толстой. С совершенным почтением и с благоговением перед светлым образом величайшего славянского писателя Вам преданные» (подписи председателя С. С. Бобчева и секретаря И. Д. Иванова).

Как видим, чтобы «закадрить» Льва Николаевича в участие в патриотическо-политическом действе, авторы послания прибегли к лукавству: в письме, с одной стороны, следуют уверения в том, что съезд носит "культурно-экономический" характер и совершенно чужд политике, но с другой — особо подчёркивается символика места проведения съезда: *"в столице маленького обновлённого болгарского царства, освобождённого великой Россией благодаря Славянской Идее"*... Таким образом авторы «выдают с головой» своё истинное, чуждое Льву Николаевичу, понимание жизни.

Прочитав такое послание, Толстой сперва решил было не только не ехать, но и не отвечать на приглашение. Своему домашнему доктору и помощнику, словаку Душану Петровичу Маковицкому он поручил отписаться ответом кратко и стереотипно, в духе: "Единственное благотворное только религиозное". Но, по настоянию Маковицкого, он всё-таки пишет краткий и очень резкий ответ, который Душану Петровичу пришлось несколько смягчить.

Особое внимание привлекли (и до сих пор привлекают) заключительные строки ответа Толстого. По свидетельству Маковицкого, когда Толстой прочёл конец: «Побудила меня высказать – то, что я

высказал, моя вера в то, что <...> эта основа будет принята прежде всех других народов христианского мира народами именно славянского племени», - присутствующий А. С. Бутурлин заметил: «Последние строки сходятся с тем, что Герцен говорил, что его идеалы впервые будут осуществлены славянами». Толстой в ответ настаивал, что это у него просто "учтивая фраза", дабы "красиво" закруглить отписку...

Берём на себя смелость утверждать, что это не так. Достаточно сопоставить идею славянской миссии религиозного единения человечества, высказанную в письме съезду с ранее (в 1906 г.) высказанными Толстым идеями "русской революции": ненасильственного религиозного освобождения трудящихся от повиновения правительствам и эксплуататорам и единения их на основе совсем иных условий хозяйствования и взаимоотношений. По сути, речь идёт о построении иной "цивилизации", к которой мало будет подходить само это архаическое слово, ибо не будет государств, границ, крепостей, городов, вооружений и войн, а будут свободные самоуправляющиеся общины и "мирное общение народов с народами".

По нашему мнению, сближение это не случайно. Уж тут никак нельзя говорить об "*учливой*" фигуре речи: текст статьи весьма "*неучтив*" ко всем, и русским, и славянским, и прочим правительствам и державным патриотам... Утопии "славянской идеи" Толстой противопоставляет идею **христианскую**, единения и любовной, братской жизни не на кровной, племенной, национальной, а – на единственно прочной основе общего религиозного жизнепонимания. Братство по морали и этике, причём – религиозно обоснованным... Странно, что именно толстовские предложения полюбили называть утопией, тогда как славянские и прочие националистические обманки мнимого или непрочного "единения" -- до сих пор привлекают толпы эмоциональных поклонников...

Впервые Письмо «Славянскому съезду в Софии» напечатано 29 июня 1910 г. в газетах «Современное слово» (1910, № 891) и «Утро России» (1910, № 184).

Р. Алтухов

Получил приглашение ваше и с радостью приехал бы, если бы не мои года и нездоровье. Приехал бы с тем, чтобы лично побеседовать с вами о том предмете, который собрал вас. Постараюсь сделать это хотя письменно.

Единение людей, то самое, во имя чего вы собрались, есть не только важнейшее дело человечества, но в нём я вижу и смысл, и цель, и благо человеческой жизни. Но для того, чтобы деятельность эта была благодетельна, нужно, чтобы она была понимаема во всём её значении без умаления, ограничения, извращения. Так это по отношению всех важнейших деятельностей человеческих, так это и по отношению религии, любви, служения человечеству, науки, искусства. Всё до конца, до последних выводов, как бы они ни были чужды или неприятны нам. Всё или ничего. И именно *ничего*, а не кое-что, потому что все эти величайшие деятельности человеческой души, как только они не доведены до конца, не только не полезны, не только не приносят свою, хоть малую пользу, как думают и говорят многие, но губительны и более всего другого задерживают достижение той самой цели, к которой они как будто бы стремятся. Так это с религией, допускающей слепую веру, так это с любовью, допускающей борьбу – противление, так это со служением людям, допускающим насилие над людьми. Так во всём и особенно в деятельности, имеющей целью единение людей.

Несомненно, что соединённые люди сильнее разъединенных. Семья сильнее отдельного человека. Шайка грабителей сильнее, чем каждый порознь. Община сильнее отдельных личностей. Соединённое патриотизмом государство сильнее разроз-

ненных народностей. Но дело в том, что преимущество соединённых людей против разъединённых и неизбежное последствие этого преимущества, порабощение или хотя бы эксплуатация разъединённых, естественно вызывает в разъединённых желание соединиться для того, чтобы сначала противодействовать насилию, а потом и совершать его. Славянским народностям естественно, испытывая на себе зло соединения австрийского, русского, германского, турецкого государств, желать для противодействия этому злу, сложиться в своё соединение, но новое соединение это, если только состоится, неизбежно будет вовлечено точно в такую же деятельность не только борьбы с другими единениями, но и в подавление и эксплуатацию более слабых соединений и отдельных личностей.

Да, в единении и смысл, и цель, и благо человеческой жизни, но цель и благо это достигаются только тогда, когда это единение *всего* человечества во имя основы, общей *всему* человечеству, но не единение малых или больших частей человечества во имя ограниченных, частных целей. Будь это единение семьи, шайки грабителей, общины или государства, народности или "священный союз" государств, такие соединения не только не содействуют, но более всего препятствуют истинному прогрессу человечества. И только для того, чтобы сознательно служить истинному прогрессу, я, по крайней мере, так думаю, должно не содействовать всем таким частным соединениям, а всегда противодействовать им. Единение есть ключ, освобождающий людей от зла. Но для того, чтобы ключ этот исполнил свое назначение, нужно, чтобы он был продвинут до конца, до того места, где он отворяет, а не ломается сам и не ломает замок. Так и единение для того, чтобы оно могло произвести свойственные ему благодетельные последствия, оно должно иметь целью единение *всех* людей, во имя общего *всем* людям, одинаково признаваемого всеми начала. А таким единением может быть только единение, основанное на

той религиозной основе жизни, которая одна соединяет людей и, к несчастью, признаётся ненужной, отжившей большинством людей, в наше время руководящим народами.

Мне скажут: мы признаём и эту религиозную основу, но не отрицаем и основы единения племенной, народной, государственной. Но дело в том, что одно исключает другое. Если признано целью жизни человечества единение всемирное, рели-

177

гиозное, то это самое признание отрицает всякие другие основы единения и наоборот, признание основой единения начала племенного, народного, патриотическо-государственного неизбежно отрицает религиозное начало, как действительную основу жизни.

Думаю, почти уверен, что эти высказанные мною мысли будут признаны неприложимыми и неправильными, но я счёл своим долгом вполне откровенно высказать их тем людям, которые, несмотря на моё отрицание племенного и народного патриотизма, всё-таки более близки мне, чем люди других народов. Скажу более, откинув соображения о том, что по этим словам моим меня могут уличить в непоследовательности и противоречии самому себе, скажу, что особенно побудила меня высказать то, что я высказал, моя вера в то, что та основа всеобщего религиозного единения, которая одна может, всё более и более соединяя людей, вести их к свойственному им благу, что эта основа будет принята прежде всех других народов христианского мира народами именно славянского племени.

Отрадное, 20 июня 10 г.

*Подготовка текста и статья-предисловие:
Роман Алтухов.*